

Волчья яма

Как-то раз, в начале солнечного и тёплого сентября, Иван Кудряшов решил съездить за грибами. Тогда электричка ходила до Исакогорки, а не как сейчас—до Лайской. Выйдя на остановке «Шестнадцатый километр», он огляделся, чтобы никто в компанию не пристроился, и рванул по знакомым местам.

В лесу было тихо и пустынно. Иван довольно быстро набрал почти полный кузов красноголовиков, подберёзовиков, волнушек. Устал. По дороге, пока собирал грибы, воду в бутылке из-под водки выпил и решил набрать жидкости на обратную дорогу—до станции-то маршрутировать километров пять, не меньше.

Совсем близко радовало глаз вытянутое по периметру лесное озеро с кристально- чистой пресной водой. Часы показывали четыре часа дня. Спускаясь с горки к озеру, Иван решил снять тяжёлую ношу. Поставив кузов у берёзы, мужчина поспешил к озеру—наполнить пустую бутылку.

Вся трава уже пожелтела, листья с деревьев частично опали, и вид вокруг казался унылым. Но вблизи озера внимание Ивана привлекла удивительная картина—большая красивая лужайка, около шести метров в диаметре, на небольшом возвышении, поросшая зелёной травкой (хотя кругом всё пожелтело). Над изумрудным полем поднимался пар. Это место вдохновило бы любого художника!

Единственное, что портило полянку,—поваленная сильным ветром большая сосна. Иван решил не обходить островок лета.

Мужчина смело зашагал по зелёной траве. Та под его ногами буквально пружинила. Подойдя вплотную к поваленному дереву, Кудряшов поднял ногу, чтобы перешагнуть его. В ту же секунду он провалился по грудь в зловонную жижу. Оказалось, это не полянка, а самая настоящая яма! Забурилась грязная чёрная вода, вонь поднялась страшная! Иван почувствовал, что его засасывает. В этот момент он вспомнил, что существуют волчьи ямы. Предупреждали же. Вот попался!

Это место очень красивое с виду, но итог плачевный: люди проваливаются в глубокое болото. Иван действовал быстро—бросил стеклянную бутылку на берег. От броска просел ещё на пять

сантиметров. Тут Кудряшов понял, что приходит конец. Если бы не снял кузов, мгновенно скрыло бы с головой. Не спастись.

Бешено работала мысль: что, где, как, почему? С каждой минувшей секундой несчастного грибника засасывало всё глубже. Единственная возможность выбраться—поваленная сосна. Очень медленно подняв руки, Иван обхватил ствол дерева руками.

Повезло, сосна ещё не сгнила. Грязная чёрная жидкость уже касалась горла. Кудряшов стал подтягиваться. И после нескольких отчаянных усилий, с огромным трудом, мужчина залез на дерево. Грязь покрывала его тело с головы до ног. А рядом клочкотала гремучая чёрная жидкость, шли пузыри, стояла ужасная вонь. Болото бурлило, лишившись своей жертвы.

Медленно и осторожно передвигаясь на четвереньках по стволу дерева, Иван выбрался на твёрдую почву. Было часов пять. Солнце уже стояло невысоко. На руке даже компас оказался залеплен грязью. Что делать? Иван разделся догола, простирал бельё и повесил на ветках. Думал—успеет подсохнуть. Быстро окунулся в озеро, вода оказалась тёплой. Вылез на берег, просидев там лишний час. Одежда сушилась медленно. Начало темнеть. Ещё час. Бельё немного подсохло, но недостаточно. Пришлось надевать влажным.

Пора было возвращаться. Теперь Кудряшов боялся опоздать на электричку. Он не предвидел никаких сложностей—дорога казалась хорошо знакомой. Но тут солнце село. И вся природа вокруг совершенно изменилась. Шёл долго, а из людей—никого. И по времени уже поезд прошёл, а ни дороги, ни станции—ничего.

Ивана охватили сомнения. Тропа, по которой он шёл, стала узкой, почти незаметной. Показаниям компаса он не доверял, ведь тот побывал под водой. Пока не стемнело, Иван шёл по памяти. Но тут под ногами мужчины мелькнули какие-то железные предметы. Приглядевшись, он узнал проржавевшие болванки и снаряды!

От деда Кудряшов слышал, что в километрах пяти от места, где обычно собирал грибы, есть заброшенный артиллерийский полигон. Сам Иван его в глаза не видел.

И тут стало совершенно ясно, что Кудряшов заблудился. Куда идти — непонятно. Главное, смотри по сторонам, чтобы не наступить на какой-нибудь неразорвавшийся ржавый снаряд.

Иван решил проверить направление по компасу. Стрелка металась. Иван поднял голову, пытаясь рассмотреть звёзды. Только бесполезно: поднялся сильный туман, скрывший даже верхушки сосен.

Иван пошёл наудачу. Шёл несколько часов. Вода закончилась. Услышал, что где-то рядом журчит ручеёк. Не видя его, по звуку набрал воды. Попал на какую-то старую дорогу, которая шла прямо по лесу. Прогулялся по ней взад-вперёд. Заброшенная. Посреди дороги выросли молодые сосенки.

Иван снова остановился и понял, что заблудился. Где он, остаётся только гадать. Лишь гораздо позднее, разбираясь в этом деле, Иван понял, что тогда двигался в сторону Онеги.

Спасла случайность. Было уже два часа ночи, темень непроглядная, холодно. Всё, что можно, из запасов провизии уже съел. Вдруг совершенно неожиданно (ночью, видимо, слышимость хорошая) раздался звук дизель-поезда в направлении, противоположном тому, куда двигался Иван.

Поезд, разгоняясь, дал свисток. Мужчине показалось, что расстояние до железной дороги примерно полтора десятка километров. Хоть Иван не верил компасу, угол замерил, откуда сигнал, и дальше шёл строго в ту сторону.

Шагал ещё два часа и в районе пяти утра вышел, совсем промёрзший, в дачный посёлок. Было сильное желание залезть в чужой дом, взломать дверь и отогреться. Но не решился. Дошёл до железной дороги, стал как вкопанный: знаки на столбиках четырёхзначные. Иван заходил с двухзначными (от Исакогорки). «Когда же успели все знаки-то за ночь поменять?»

Так и не понял. Долго думал, в какую сторону идти. Случайно пошёл в нужную. И через четыре километра вышел на станцию Исакогорка. Правая нога распухла, пришлось ковылять. На станцию сначала не пускал милиционер, принял за беглого заключённого. Документов у Кудряшова с собой не было. Едва не задержали. Из кармана у Ивана торчала бутылка водки. Пришлось объяснять: мол, я — заблудившийся грибник. Милиционер не верил. И только когда лично проверил содержимое бутылки, вздохнул:

— Да, может, ты и не зэк, — с этими словами позволил пройти на станцию.

Кудряшов сидел там до отправки электрички. В вагон помогли забраться сердобольные люди — ступить на больную ногу почти не мог.

Ещё долго после на работе вспоминали этот случай и подкалывали:

— Ванёк, решил работу прогулять и наврал с три короба? Или правда в лес работать решил перебраться?

Пусть плывут кораблики

Домовой Федя весело болтал ногами, сидя на подоконнике седьмого этажа. Он с аппетитом поедал огромный ломоть белого хлеба, щедро обмазанный маслом и сверху хорошенько сдобренный красной икрой. Этим утром домовой пребывал в отличном настроении. Впервые за долгое время Федя радовался жизни и по этой причине даже соорудил себе причёску, как сейчас модно: тугой пучок из прядей на затылке, а остальные волосы веником топорщатся. Обычно он не беспокоился по поводу внешности. Как, впрочем, и по поводу одежды, которую сшил себе из лоскутков от старых рубашек, на манер испанского пончо. Радовало, что наряд практичный, послужит долго.

Хозяин квартиры, Петров, не подозревающий о существовании «домашней нечисти», и так должен быть ему благодарен, что Федька не забывал мыться раз в неделю. Другие домовые в воду лезут раз в месяц, а хозяева потом, не в силах найти причину вони в доме, распыляют очистители воздуха или бегут жаловаться в ЖЭУ, что, мол, в подвале очередной засор. Конечно, как им отыскать домовых, которые, если захотят, враз невидимыми обернутся?

Но Федька считал себя тихим и мирным. До недавнего времени.

— Кар-р-р! — донеслось сверху, и Федька задрал голову, наблюдая, как знакомая ворона по кличке Маргоша пикирует на него сверху, пытаясь выхватить лакомство из рук.

Не заботясь о чистоте подоконника, домовой сунул бутерброд себе за спину и, сложив руки на груди, гневно уставился на воровку. Та, похлопав крыльями пару раз, села рядом с ним на подоконник, делая вид, что выискивает в каменных трещинках стен уснувших на зиму жучков и паучков. — Кар-р, — уже более мягко и деликатно Маргоша стукнула клювом по подоконнику.

Федька недоброжелательно покосился на мощный клюв: «Таким можно и голову домовёнку разбить. Правда, чревато, ещё проклянёт!»

— Кар-р, — в третий раз голос вороны стал совсем вежливым. — Федь, а чего ты на подоконнике сидишь? Упасть не боишься?

— К высоте привыкаю, — хрипло ответил домовой, украдкой отщипнув ещё кусок булки, тут же отправив её в рот и быстро-быстро хлеб пережёвывая.

— А попить, наверное, не захватил? Подавишься ещё!

— Не хочу пить, — угрюмо отозвался Федя.

— Слушай, а не поделишься кусочком? Со вчерашнего дня маковой росинки в клюве не держала, — ворона грустно вздохнула и уныло поскребла клювом пёрышки.

— Мне самому нечего есть. Последний хлеб!

— Да как же так?! Сказки-то не рассказывай! Это я — бездомная, а ты же, чай, домашний, свой!

Можешь в любое время к холодильнику и хлебнице таскаться. Раньше подкармливал, а теперь жадничаешь, да? Или все свои хлебные припасы голубям подарил?! — возмутилась ворона, недобро поблёскивая чёрными бусинами глаз.

— Ты глянь, Маргошенька, в окно. Да посмотри внимательно, может, увидишь чего интересного. Поймёшь, почему мой бутерброд — последний.

Птица в ответ фыркнула, но, тем не менее, голову подняла и уставилась за стекло. И едва не каркнула от удивления: в большой комнате, в центре которой стоял мягкий диван нежно-сиреневого цвета, разлилось целое море воды. Тут и там по воде плавали кораблики из газеты и клетчатых бумажных листочков.

В центре этого безобразия на диване преспокойно спал, скрючившись червяком, сам хозяин квартиры, с умилением прижимая к объёмному животу бутылку водки. Благодаря его компактной позе длинные ноги умещались на диване, и вода, ручьями бежавшая по квартире, пока его не настигла. Петров спал сном младенца, и мощные плечи чуть заметно двигались в такт тяжёлому дыханию.

— Что творится, что творится! — взволнованно хлопала крыльями ворона. — Федь, у вас же потоп! Ты что же, решил хозяина утопить?

Домовой на секунду перестал жевать и неприязненно посмотрел на пернатую:

— Что ты глупости бормочешь?! Проснётся хозяин, как ноги промочит. Или когда я изображу городскую сирену. Я многому научился за время пребывания в этой каменной крепости. Никто в моих хоромах не утонет!

Маргоша озадаченно смотрела в комнату. Вода довольно быстро прибывала.

— Совсем хозяина не жалеешь, Федь. А он хороший. Ты, случается, и забываешь, зато он всегда хлебушек у форточки оставляет... Или Петров сам квартиру затопил? Так чего краны не закрутишь? Аль батарею прорвало? Сейчас как соседи набегут! Жаловаться будут, штраф заплатить заставят!

— Вот-вот, того-то мне и надо, — домовой с самым хитрым видом смахнул с губ хлебные крошки. Те полетели вниз, как хлопья позднего снега.

Маргоша, не любившая, когда ей перечат, не поддалась на провокацию. Вместо этого она постучала клювом по окну:

— Петров, просыпайся! Тебя утопить хотят!

Федя закатил глаза:

— Чего-сь орёшь, дура? Я же говорю, что всё по плану. Всё ради хозяина, ради Петрова. Ты последний месяц в этом квартале не появлялась. Где кормилась? Ничего не знаешь, так и молчи! — На мусорных кучах далеко отсюда, — вздохнула ворона. — Родичи позвали, вместе веселей.

— Ну вот. Не знаешь, что Петров в последнее время совсем спился. Как бросила его жена, так все выходные... да и не только выходные! Работу прогуливает. А я-то за ним из деревни приехал, в рюкзак ему забрался. Не хотел с дурачком расставаться. Думал, заживём в городе! И всё хорошо было, пока та мадам ему в душу не плюнула. А теперь сломался человек. Мочи нет смотреть — только пьёт. И вот тогда я понял: *пусть плывут кораблики!*

— Чего-чего? — округлила глаза Маргоша.

— Деревню Петрову напомним. Я сам по ней скучаю. Столько ручьёв по весне, капель по пригоркам, столько журчанья и чистой воды! Часами мог сидеть на дереве и смотреть на круги в лужах, своё отражение ловить. И Петров так же мог. Но только забыл. А я ему напомним. Маргош, я как в город перебрался, так из дома боюсь выйти. И ручьёв не вижу. Страшно мне из-за машин на улицу выйти. Если хозяина город сломал, пусть домой катит. Я с ним поеду.

— Но соседи... и штраф... — растерялась ворона.

— Ага, целый штрафище! — радостно отозвался Федя, потирая волосатые руки в прорезях «пончо». — Чтобы его заплатить, придётся на двух работах пахать. Лично проверял: прямо под нами бизнесмен живёт, только недавно евроремонт сделали. Потолки там — блеск! То есть были...

— Чучело ты, Федька, — ворона возмущённо покрутила лапой у своей короткой шеи. — Что же вас ждёт!

— Ничего не ждёт, — беспечно отозвался домовой, складывая пальцами подобие бинокля и сквозь него разглядывая Маргошу. — Сама подумай: о моём существовании Петров в жизнь не догадается. А что он подумает? Ага, что сам допиллся до белой горячки и забыл, как воду пустил. И кораблики... Боятся будет. А штраф заплатит. У него работа хорошая. Всё-таки главный менеджер!

Тут в квартире заверещал звонок, и Маргоша, взмахнув крыльями, поспешила покинуть место грядущих «разборок». А Федя стал невидимым и с удовлетворением наблюдал, как Петров медленно, но верно возвращается к жизни.